

Широкалова Г. С.,
г. Нижний Новгород

ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИИ В КОНЦЕ XX ВЕКА В ВОСПОМИНАНИЯХ ОЧЕВИДЦЕВ

Четверть века назад в рамках подготовки к 1000-летию принятия христианства на Руси в СССР был поднят вопрос об изменении взаимоотношений государства и церкви. Широкая подготовка к юбилею вызвала неподдельный интерес к истории и роли в ней Русской православной церкви. Традиционные мифологизация «заслуг» юбиляра и замалчивание негативной информации не могли не сформировать благосклонного отношения общества к религии в целом и, в соответствии с российским менталитетом, пробуждения чувства вины за жесткую политику по отношению, прежде всего к РПЦ, после революции.

Даже многие религиоведы относились к актуализации религиозного сознания как временному явлению, связанному с юбилеем. Помню реплику свердловского ученого после посещения им торжественного заседания по поводу 1000-летия: «Их уже не гальванизировать...». Такая точка зрения имела под собой основания: фотографически точные и глубоко философские портреты церковных иерархов 80-х начала 90-х гг. А.М.Шилова не оставляют сомнений, что они очень хорошо «вписались» в советские реалии. И только более внимательный взгляд фиксировал: их натура требует более высокого социального статуса.

Интерес к истории в 80-х годах характерен в большей или меньшей степени для всех слоев населения. Подписка на собрания сочинений историков, литературные журналы, печатавшие исторические исследования, в среде интеллигенции была ажиотажной. Романтический взгляд на религию, как предмет глубокой старины, который надо сохранять как часть истории, в то время был присущ многим. Идеализация, прежде всего христианства, в

исторических романах и дореволюционной литературе переносилась на современные религиозные организации.

По данным К.М.Харчева, в то время председателя Совета по делам религий при Совете министров СССР, в стране было около 70 млн. верующих, более 15 тысяч религиозных объединений, представляющих около 40 конфессий и мелких вероисповеданий [1; 26 -28].

Что касается количества религиозных организаций, то этим данным можно доверять, поскольку они регистрировались и их число отслеживалось КГБ. Утверждение же о 70 миллионах верующих кажется большим преувеличением: публикации материалов социологических исследований не давали основания для таких выводов. Сошлемся на исследование Рудинский Ф.М., Шапиро М.А. На предприятиях Донбасса и Волгограда было опрошено 1015 чел. Среди респондентов не исповедующие никакой религии (в том числе атеисты) составили, соответственно, 70,7 и 59,9%, колеблющиеся – 26,8 и 34,8%, верующие – 2,3 и 5,1%. Из верующих не посещали церковь, соответственно, 30 и 40%, не молились – 20 и 26,8%, участвовали в религиозных обрядах - 90% и 76,6%. Большинство атеистов не пользовались конституционным правом на атеистическую пропаганду. По мнению ученых это свидетельствовало о том, что религия находится для большинства на периферии их образа жизни. Лишь 10% смогли раскрыть содержание понятия «свобода совести». Многие понимали её как этическую категорию: «быть честным», «поступать по совести», «жить по закону» и т.п. Другие - как свободу мысли, слова, право на критику, свободный выбор профессии. Заявили, что хорошо знают законодательство о свободе совести 2,3 – 2,6%. Но, не вникая в содержание понятия, большинство знало о недопустимости ограничения прав верующих и о неправомерности отказа от исполнения гражданских обязанностей по религиозным мотивам. Казалось, религия является уходящим социальным институтом, защита которого нужна с общих гуманистических позиций. Полученные результаты в целом коррелировали с данными других, немногочисленных в то время, исследований [3; 22 - 31].

Позднее исследователи установили, что отношение себя к той или иной религиозной традиции является для многих культурологической самоидентификацией и не означает принадлежности к конфессии. Но в любом случае оживить интерес к корням народа, его истории опираясь на культурологические архетипы можно, как оказалось, достаточно быстро. В конце 80-х этот процесс затронул, прежде всего, интеллигенцию.

Обратимся к собственному опыту, зафиксированному в записях, для характеристики атмосферы тех лет. Основными городами для празднования тысячелетия принятия христианства на Руси в июне 1988 г. были выбраны Москва, Киев, Ленинград, Владимир. На торжества во Владимир приехали представители многих конфессий, не только христианских. Служба шла несколько часов, вел её Илия II, в то время молодой, красивый Католикос-Патриарх всея Грузии. Православные же священники, участвовавшие в службе, были обыденно повседневно, как столичные артисты, играющие в провинциальном театре. Сложилось впечатление, что у присутствовавших не было чувства сопричастности к тысячелетней истории. Местные священники, а тем более члены их семьи, имевшие приглашения, разговаривали на бытовые темы, входили и выходили из храма. Стоявшие рядом прихожане были недовольны, что службу ведет не настоятель собора.

Вальяжность и отрешенность от прихожан располневших иерархов РПЦ особенно бросалась в глаза во время крестного хода вокруг собора. Сравнение внешнего вида и поведения было в пользу католического кардинала. Стройный пожилой мужчина в ярко красном облачении, выйдя из гостевого автобуса, подошел к бабушке с ребенком и спросил на неплохом русском языке, девочку лет пяти, как её зовут. «Катя» - «О, у нас тоже есть имя Катрин!» - был ответ, и, погладив её по голове, пошел вслед за другими гостями. В этом эпизоде наглядно проявилась историческая традиция: свойственная для католической церкви культура миссионерства, с одной стороны, и с другой, безразличие к миссионерству, воспитанное в течение

столетий упование на государство, которое законодательно удерживало в прихожан в РПЦ в течение столетий.

На следующий день торжества продолжились в Суздале. Вновь службу, но уже короткую, вел Илия II. Поскольку в Успенском Соборе Владимира не смогли присутствовать все желающие, мы считали, что в Суздаль приедет много прихожан. Очевидно, так думали и организаторы: служба шла под открытым небом, рядом с храмом. Но на неё пришло не более полусотни человек. Местные жители причину безразличия к празднику объяснили тем, что Суздаль – город торговый, поспели первые огурцы, и суздальцы каждый день уезжают продавать урожай в Москву и другие города.

Эти и другие наблюдения, анализ печатных СМИ того времени свидетельствуют, что интерес к религиозной проблематике был в основном у интеллигенции, которая в условиях стабильного общества не могла реализовать свои потребности в социальном творчестве в рамках привычных социальных институтов. Подавляющее большинство населения удовлетворяло свои потребности через так называемую «домашнюю церковь», когда церковь как социальный институт нужна только в особых случаях: крещение, отпевание, иногда венчание и т.п.

Необычными и притягательными для интеллигенции были и другие новации, актуализировавшие её неофитизм. Приведем пример его проявлений. Летом 1991 по дороге в Дивеево мощи Серафима Саровского были выставлены в Спасском Староярмарочном соборе Нижнего Новгорода. Поскольку преподавание философских дисциплин предполагает отслеживание социальных процессов, в воскресный день я пошла с целью выяснить социальную структуру пришедших на поклон мощам. Пришлось встать в очередь, длиной сотни в две метров. Она в основном состояла из женщин лет сорока и старше, некоторые были с детьми.

Перед нами стоял бомж, одетый в пожелтевшее зимнее драповое пальто, старую войлочную обувь, называемую в народе «прощай молодость», с колтуном из длинных редких волос, запахом давно немытого тела. Когда

мы были уже у храма, к нам подошла сорокалетняя интеллигентного вида женщина с двухлетним малышом на руках и попросила разрешения пройти без очереди, чтобы ребенок смог поцеловать мощи. В ответ на моё замечание: «Как вы можете рисковать здоровьем ребенка, видя какие явно больные люди стоят в очереди?», я услышала гневную тираду, о том, что кто истинно верит, с ним ничего не случится. А таким как я здесь делать нечего. Никто не поддержал меня в опасениях за здоровье ребенка [4].

Время для мифологизации образа церкви как социального института было очень подходящим не только из-за юбилейной даты. Ушли из жизни те поколения, которые жили в условиях российского клерикального государства. Уходило и то поколение, которое застало противостояние церкви и советского государства в первое десятилетие советской власти. Но в силу специфики возраста у некоторых из них в ожидании скорой смерти усилилась религиозные искания, другие пришли к Богу, третьи, оставаясь неверующими, относились к тому времени уже неэмоционально и поэтому их рассказы воспринимались как «предания старины» глубокой.

В качестве примера приведу рассказы Георгия Михайловича Белоусова, жителя г. Алапаевска Свердловской области, 1902 г. рождения. (Интервью взято в 1986 г.) Информант прекрасно помнил даты, события своей жизни, стихи, песни, которые учил в церковно-приходской школе. Приведу его объяснение причин, по которым он перестал верить в бога и оставался неверующим до конца жизни. Его отец был батраком-конюхом у помещицы на границе Белоруссии и Латвии. Однажды в великий пост ему, тогда мальчишке, приказали отвести помещицу к местному священнику на день рождения. Там велели ждать в кухне, где запекались поросенок, гусь... Вывод пацана: «Нам, бедным, пост, а им попу и богатым все можно! С тех пор перестал верить в бога».

Несоответствие проповедей реальному поведению, как свидетельствует история, было и остается частой причиной смены или отказа от религиозных

убеждений в России. Возможно, это связано с менталитетом русского народа, верящего только тому, чьи слова соответствуют его делам.

Судя по популярной в местах его детства песне, разочарование в церкви как социальном институте, было характерно для многих и сочеталось с антиправительственными настроениями. Пелась она на мотив «Буря мглою небо кроет». Вот её слова:

«Церковь золотом объята	Он подкрался под окошко
Пред оборванной толпой.	И прислушиваться стал.
Проповедует с амвона	Все, чем поп народ морочил.
Поп в одежде парчевой.	Черт все это услышал.
Лица смуглые, худые	Повалил народ из церкви,
Все у этих прихожан.	Позади выходит поп.
Руки их были в мозолях,	Черт сверкнул ему глазами
Поп был гладок и румян.	И за рясу его цоп.
«Братья!- он взывал к народу,	Стой ты, отче толстопузый,
Вы противитесь властям,	Ты скажи, что в церкви врал,
Вечно ропщите на бога,	И какие наказанья
Все живется плохо вам.	Беднякам ты обещал.
Это дьявол вас смущает	Поп бежал, а черт вдогонку,
На подобные дела.	Как щенка его схватил,
Свои сети расставляет	Он поймал его за гриву
Чтоб душа его была.	И к туманам потащил.
И лишь только вы умрете	Он поднял его высоко
И пойдете к небесам.	Под самые небеса.
Попадете в муки ада.	Только виден черта хвостик,
Прямо в общество к чертям.	Да попова борода.
В это время мимо церкви	Притащил его к заводам,
Черт случайно проходил.	Мрачным, злачным
Слышит: черта вспоминают	мастерским,
Уши он насторожил.	Где с жары дрожали стены.

Алчный дым стоял над ним».

Неверие Белоусова укрепилось, когда служил в армии в 1925 г. в 166 стрелковом полку во взводе конных разведчиков в крепости Великие Луки. Во время службы насыпная стена вокруг крепости провалилась и открылся подземный ход, который вёл в алтарь собора. По бокам хода были камеры, а в них в цепях человеческие скелеты.

На марше солдаты часто пели песни, у каждой из которых был один припев:

«Ай да поп, ай да поп,
Ай да дьякон и дьячок,
Пономарь Сергеевич,
Вся деревня Сергеевна.
Комсомольцев Коминтерна
Разговаривает».

Что означали две последних строки он не пояснил. У одной из песен были такие слова:

«Я спою вам песню, весёлые друзья,
Как девица Марья Иисуса родила.
Раз под вечерочек Мария шла домой
И с нею повстречался парнишка молодой.
И с той поры он часто Марию провожал,
Доводил до дому, крепко целовал.
Не прошло и году, случилась беда
И девица Марья Иисуса родила».

Пели и о последней царице: «К Распутину ходила, Распутина любила
Саша поздно вечерком...». О каком комитете шла речь, я не уточнила, возможно, здесь наслоение времён. Но тексты песен свидетельствовали, что к середине двадцатых годов у значительной части молодежи религиозно-монархические ценности были вытеснены из структуры мировоззрения.

Не смотря на негативный личный опыт воинствующим атеистом» информант не был. Рассказывал, что когда работал в алапаевской газете в 30-х годах, к нему пришла очень возбуждённая бабушка жены: «Георгий, напиши в газете, что бога нет». – «Что так?» «Поп пришёл на службу пьяный, весь алтарь заблевал и сквозь землю не провалился. Бог бы такого не потерпел». Спросила: «Написали?». «Нет, конечно».

Показательны его рассказы о взаимоотношениях крестьян и священников во время коллективизации. Вопрос о закрытии в районе каждого храма решался в бюро алапаевского райкома РКП(б). В Егоршино Свердловской области комсомолка, одевшись по старушечьи, по поручению райкома ходила слушать проповеди. Священник на них убеждал вступать в колхоз, поскольку это соответствует заповедям Христа: жить и трудиться всем вместе. Тогда и бедность можно преодолеть. Он первым в селе купил облигации на индустриализацию, показав пример прихожанам. Оказалось, что в годы гражданской войны, когда Урал не раз переходил от белых к красным и наоборот, был с партизанами. Церковь не стали закрывать.

По-иному сложилась судьба храма в Аромашево. Особую роль в этом сыграло то, что он находился в отдалении от села. Молодежь в уральских селах часто занималась отходничеством и пыталась в сельскую жизнь внести элементы городской культуры. Село было большое, молодежи много и она решила переоборудовать храм в клуб. Старики были против; на двери церкви повесили замок и ходили караулить по ночам, чтобы молодежь не сделала по-своему. Через некоторое время ночные дежурства надоели и решили послать священника в Нижний Тагил, чтобы привез от властей решение. Молодым каким-то образом удалось связаться с тагильской милицией, чтобы священника арестовали на несколько суток. Ночами молодежь через окно вынесла из церкви иконы, другую церковную утварь в сторожку, сделала настил для сцены. Старики, приходившие по утрам, видели, что замок на месте, а церковь не открывали. В Тагиле священнику сказали, что если церковь не переоборудована, пусть он продолжает службу.

Но когда мужики сняли замок, оказалось, что это уже клуб, в который старики долго не ходили.

В третьем селе (к сожалению, его название мною утрачено) приехавший организовывать колхоз большевик решил провести опрос о закрытии церкви. На листах бумаги крестьяне против своей фамилии ставили крестик, поскольку грамотных было не много. Листы были не подписаны. И то ли подменил их организатор, то ли мужики под влиянием жен передумали и свалили все на него, но жалобу написали: мы, мол, расписывались за сохранение, а он подменил листы. Церковь оставили, а того, кто был «назначен» виноватым, из партии исключили и отозвали.

Трудно сказать, насколько эти рассказы точно передают исторические факты, но эти и подобные им, а так же противоположные, были известны старшему поколению и, конечно, рассказывались в семье. Для нас важно другое, что все события начала века российское общественное мнение относило к далекому прошлому, а молодежь 60-70-х гг. уже воспринимала первую половину XX не столько как бльшь, сколько как исторический анекдот, даже если это был рассказ о личном опыте родных. Вместе с поколениями, жившими тогда, уходило эмоциональное отношение к тем временам, которое только и способно дать сопереживание и понимание. Поэтому отношение к церкви и религии формировалось под влиянием её современного положения, как к безвредному, но иногда полезному пережитку прошлого, который уходит вместе со старшим поколением. Уверенность была столь велика, что, например, на нашем потоке философского факультета УрГУ, несмотря на настойчивые предложения преподавателей, захотели специализироваться по научному атеизму всего два человека. И вплоть до начала процесса активной клерикализации государства в середине 90-х годов исследования религии как социального феномена современности были единичны.

Гораздо ответственнее к вопросу о роли религии в обществе в 80-х годах относилось старшее поколение, имевшее в отличие от молодых,

жизненный опыт работы в тех регионах, где религиозность населения имела более глубокие корни и на прямую была связана с политическими событиями середины XX века. Свидетельства тому приводятся в беседах с К.М.Харчевым писателя А.Нежного, в очерке Г.Рожнова, посвященном украинской католической церкви. [1; 26 – 28, 2]. Но там, где молодые журналисты видели одно лишь ущемление прав верующих из-за своеволия партийных органов, у последних были серьезные основания предвидеть, что религиозный вопрос стимулирует обострение политических проблем.

Так оно и произошло в тех регионах СССР, где начинались националистические процессы. Причем, привыкшая к защите государства РПЦ, нередко провоцировала их обострение. В качестве примера приведем беседу с жителем г. Дрогобыча (Западная Украина) летом 1989 г. На площади перед собором, несмотря на то, что служба закончилась, остались многие прихожане. Они ждут решения церковного совета. Дело в том, что деньги собранные на ремонт храма, настоятель потратил на личные нужды. Когда второй священник потребовал их вернуть, настоятель так ударил его крестом по голове, что пришлось вызывать скорую помощь и зашивать рану. На мой вопрос: почему прихожане не сообщили об этом в епархию, был ответ, что настоятель вел себя так же и в других городах. Епархия его всегда защищала и только переводила в другие приходы. Под конец собеседник раздраженно сказал, что такое возможно только в «москальской» церкви. В их униатской все было бы по-другому. Оставим за кадром разговор о кадровой политике в таких закрытых организациях, как церковь. Но с какой целью допускали такие эксцессы партийные органы?

О степени религиозности населения Западной Украины была возможность судить по празднованию Успения Богородицы в одном из районных центров. Рядом с католическим храмом у вырезанной из дерева фигуры Богородицы была выставлена оцинкованная ванна с освященной водой, в каких раньше купали детей. На табуретке стояли две стеклянные поллитровые банки. В очереди к ванне подходили мужчины, женщины всех

возрастов вместе с детьми. У кого-то была своя кружка, многие зачерпывали воду банками, из них пили и ставили обратно. День был солнечный, но ветреный, было пыльно, в ванне плавали первые пожелтевшие листья, но это никого не смущало. Удивляла и покорность, и то, что в чтимый праздник для святой воды не нашлось другой ёмкости и хотя бы эмалированных кружек. Эти детали, на первый взгляд, скорее свидетельствовали о традиции, чем о глубокой вере. Но обыденность обстановки не тот показатель, по которому можно судить о глубине веры.

Активизировать, казалось бы, угасающее мировоззрение и сделать его одним из действенных факторов смены социально-политической парадигмы удалось в считанные годы в стимулирующих рост религиозности экономических, политических, правовых условиях, используя на этом фоне апробированные на практике методы психологического управления.

В условиях «лихих» девяностых, начавших эпоху транзитного общества, оказалась востребованной терапевтическая функция религии уже для всех слоев населения. Она помогла сохранить душевное и физическое здоровье, снимала «грех с души», когда приходилось переступить через себя, нарушая все мыслимые и не мыслимые моральные табу для того, чтобы выжить в условиях многомесячных невыплат зарплат и пенсий, банкротства предприятий. «Религия настроения» превратилась в «рецептурную религию», использующуюся в утилитарных целях. Новый религиозный опыт переживался изнутри, не требовал анализа и какого-либо разумного объяснения, что было особенно важно в годы крушения всех прежних идеалов. Предвыборный лозунг Ельцина «Выбирай сердцем, а не разумом» точно отражал социально-психологическое состояние большинства.

В такой ситуации у религиозных организаций сформировалась устойчивая социальная база. Религиозные институты возродились не только как феникс из пепла, но с каждым годом росли их претензии на вытеснение светских принципов государства. Для многих оказалось неожиданностью, что жесткая авторитарная иерархия РПЦ резко сменила идеологические

позиции в соответствии с курсом новой власти и оказалась способной доказать ему свою преданность и востребованность. Например, К.М.Харчев, считал, что «нынешнее духовенство – как показало недавнее архиерейское совещание РПЦ – в своем большинстве активно поддерживает перестройку и дает решительный отпор попыткам внести раскол в ряды верующих, увести их от участия в демократических преобразованиях нашей жизни» [1; 28]. Применительно к тому времени очень точна поговорка: «Большое видится на расстоянии». Направленность и цели «архитекторов перестройки» для многих стали ясны спустя несколько лет. Но церковь почувствовала направление перемен гораздо раньше, чем её прихожане, и воспользовалась им для решения корпоративных задач.

Литература

1. Совесть свободна. Беседа с председателем Совета по делам религий при Совете министров СССР К.М. Харчевым писателя А.Нежного //Огонек.1988. № 21. С. 26 - 28.
2. Рожнов Г. «Это мы, Господи!» /Огонек. 1989. .№ 38.
3. Рудинский Ф.М., Шапиро М.А. Правосознание граждан в сфере реализации свободы совести и практика её осуществления //Советское государство и право. 1988. № 12. С. 22.
4. рассказывали, что поведение священников и сопровождавших их представителей от Совета по делам религий во время застолий вызвало у них негативное отношение и к самим торжествам.